

▲ ПЯТЬ ПРЕМИЙ Hugo • ДВЕ ПРЕМИИ LOCUS

ВЕРНОР ВИНДЖ

ДЕТИ НЕБА

Вернор Виндж
Дети неба
Серия «Фам Ньюен», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6647728
Дети неба: АСТ; М.:; 2013
ISBN 978-5-17-078403-5

Аннотация

«Пламя над бездной».

«Глубина в небе».

И теперь – «Дети Неба».

Научно-фантастическая сага, самое популярное детище Винджа, произведение, открывшее новые горизонты в жанре НФ и до сих пор порождающее бесчисленные дискуссии. Им восхищаются лучшие фантасты современности – Грег Бир и Дэвид Брин. Его единогласно сравнивают с легендарным циклом «Гиперион» Дэна Симмонса.

Но теперь соратнице и возлюбленной Фама Ньюена предстоят новые, смертельно опасные приключения на планете Стальных Когтей.

Начинается противостояние обязательств и стремлений, доверия и обмана, великих страстей и мелких расчетов.

А над планетой дамокловым мечом нависает флот вернувшейся Погибели...

Содержание

Глава 00	4
Глава 01	9
Глава 02	13
Глава 03	24
Через десять лет после Битвы на Холме Звездолета	36
Через десять лет после битвы на Холме Звездолета	44
Глава 06	60
Глава 07	67
Глава 08	79
Глава 09	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Вернор Виндж

Дети неба

Глава 00

Как привлечь внимание самого богатого дельца в мире?

Хранитель всю свою жизнь, которую отлично помнил, предлагал услуги только монархам. И в страшном сне ему не могло присниться, что придется искать расположения какого-то купца, – но вот он здесь, с единственным оставшимся у него слугой, ищет адрес в заводском районе Восточного Дома.

Последняя улица оказалась той, с которой только что свернули. Наверняка самый большой богач мира здесь вообще не появляется!

В глухих стенах переулка тяжелые двери. Сейчас все они закрыты, но ясно, что в переулочке здесь суший ад. Каждые несколько футов висели плакаты, но не реклама, как в других местах, а требования и объявления. «ПЕРЕД РАБОТОЙ ВЫМОЙ ВСЕ ЛАПЫ», или «АВАНС НЕ ВЫПЛАЧИВАЕТСЯ», или знак-стрелка с надписью «ЗАЯВЛЕНИЯ О ПРИЕМЕ НА РАБОТУ». Стрелка указывала на широкую двустворчатую дверь в конце переулочка. Все было великолепно, роскошно, глупо. И все же... идя вперед, Хранитель внимательно приглядывался к бойницам наверху. Явно штукатурка на дереве. Будь это камень – тогда в самом сердце торгашеского Восточного Дома стоял бы настоящий укрепленный замок.

Хранитель сбавил темп и жестом велел слуге сделать то же самое. Читиратифор шел по переулочку, вознося хвалу возлюбленному господину. Хранитель еще не успел дойти до массивных двустворчатых дверей, как они широко распахнулись. За ними расположилась крупная стая – девятка или десятка, – преграждающая путь подобно цепи часовых. Хранитель подавил желание поднять головы к бойницам: нет ли там лучников?

Крупная стая посмотрела на пришедших взглядом дурака и заговорила громкими официальными фразами:

– Хотите получить работу? Читать умеете?

Читиратифор прекратил распевать цветистые формулы знакомства и ответил:

– Разумеется, читать мы умеем. Но мы пришли, чтобы...

Стая-привратник его не слушала:

– Не умеете – ничего страшного. У меня здесь есть бланки заявлений. – Два элемента сбежали по лестнице, держа в зубах по клочку бумаги. – Я вам все объясню, вы подпишетесь. Магнат хорошо платит, дает хорошее жилье. И один выходной каждую декаду.

– Послушайте, уважаемая стая, – оцетинился Читиратифор. – Мы не ищем работу. Мой господин, – он сделал почтительный жест в сторону Хранителя, – пришел рассказать Великому Магнату о новых товарах и новых возможностях.

– Если писать не умеете, достаточно отпечатков лап... – Собеседник прервал свою речь – слова Читиратифора наконец до него дошли. – Не ищите работу? – Стая рассматривала их минуту, оценила модный наряд Читиратифора. – Да, в такой одежде не приходят к этой двери. Я должен был увидеть сразу. – Стая задумалась. – Вы не туда пришли. Приходящие с деловыми предложениями благоволят обратиться в Деловой Центр. Вам следует вернуться на пять кварталов и свернуть на площадь Великого Магната. Погодите, я дам вам карту.

Привратник не шелохнулся, но Хранитель понял, что стая даже больше, чем кажется, и продолжается в глубь здания. У этих восточных даже самые странные отклонения встречаются.

Читиратифор сдвинулся обратно в направлении Хранителя, и ближайший элемент прошипел:

– Две мили тащиться, чтобы зайти с другой стороны этого дурацкого здания!

Хранитель кивнул и обошел своего слугу, встав прямо перед привратником.

– От самого Западного Побережья мы спешили на помощь Магнату. И мы требуем вежливого ответа, а не мелочных проволочек!

Ближайший элемент привратника робко отступил назад. Вблизи Хранитель отчетливо слышал, что это не военная стая. Привратнику никогда не приходилось убивать ничего живого, разве что на парадных обедах. Он был столь неискушен, что даже не чуял вставшей перед ним смертельной опасности. Слегка переместив свои элементы, привратник заявил:

– И тем не менее, сударь, я обязан следовать полученным инструкциям. Приходящие по делу посетители благоволят проследовать к парадному входу.

Читиратифор дышал убийством, Хранитель жестом призвал его к порядку. Но тащиться вокруг здания к парадному входу ему никак не хотелось – и не только из-за неудобства. Он теперь понимал, что и этот-то вход удалось найти по счастливой случайности. Вряд ли шпионы Резчицы заходят так далеко от дома, но чем меньше народа сможет установить связь между Хранителем и Магнатом, тем лучше.

Он вежливо отступил из личного пространства привратника. Этот вход ему вполне подойдет, если удастся поговорить с кем-нибудь поразумнее.

– Наверняка ваши приказы не относятся ко мне.

Привратник задумался на пять секунд, взвесил эту возможность.

– Я полагаю, что относятся, – заявил он наконец.

– Хорошо. Но пока мы будем ждать карту, вы могли бы запросить того, в чьи обязанности входит разрешать затруднения. – Было у Хранителя несколько приманок в запасе. – Скажите вашему начальнику, что посетители доставили известия о вторжении извне.

– Чего-чего доставили?

– У нас свидетельская информация о людях... – Еще несколько непонимающих взглядов. – Да черт побери, дружище, я про чудовищ-богомолов!

Упоминание богомолов вызвало не начальника привратника: вышедшая к ним пятерка была в иерархии куда выше! Ремасритлфеер задал несколько недоверчивых вопросов, потом велел пришедшим следовать за ним. Через несколько минут они миновали привратника и пошли по ковровым полам коридоров. Оглядываясь, Хранитель все время сдерживался, чтобы не показать улыбок. Внутреннее убранство было шедевром дурного вкуса и неуместного богатства, иллюстрацией глупости нувориша. А вот проводник был совсем другого сорта. Ремасритлфеер был в основном худощав, но на мордах и боках виднелись шрамы, под шкурами угадывались тугие мышцы. Глаза у него были по большей части бледно-желтыми и не слишком дружелюбными.

Путь был неблизкий, но проводник говорил мало. Наконец коридор закончился дверью шириной в один элемент – вход скорее в логово зверя, чем в кабинет самого богатого простолюдина в мире.

Ремасритлфеер открыл дверь и просунул одну голову:

– Чужеземцы здесь, ваше превосходительство.

Изнутри донесся голос:

– Надо говорить «ваше сиятельство». Сегодня почему-то мне «сиятельство» больше нравится.

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

Но четверо оставшихся элементов Ремасритлфеера досадливо покрутили головами.

– Тогда не будем тратить мое время. Запускай их всех сюда, места хватит.

Проникая сквозь узкую дверь, Хранитель смотрел во все стороны, никак не показывая особой заинтересованности. Под потолком рядами висели керосиновые лампы. Он вроде бы заметил телохранителей на антресолях вверху. Да, большой зал, но набитый весь – чем? Не кричащими безделушками, как коридор. Здесь были шестерни, приборы, наклонные чертежные доски, покрытые незаконченными чертежами. Книжные полки шли вдоль стен так высоко, что до верхних можно было достать только с подвесных люлек на веревках с блоками. Один элемент Хранителя оказался рядом с ближайшими книгами. Никакой великой литературы – в основном конторские книги. Те, что подальше, в кожаных переплетах, напоминали своды законов.

– Подойдите ближе, чтобы я вас целиком видел! – продолжал невидимый голос. – Какого черта не пришли через вход для посетителей? Я что, этот тронный зал зря строил?

Последние слова голос сварливо пробурчал.

Хранитель пробирался сквозь беспорядок. Два элемента его пролезли под большой чертежной доской. Остальные добрались до середины зала через пару секунд. Пришлось пережить момент неразберихи, пока Читиратифор отошел с дороги, и потом Хранитель впервые взглянул на Великого Магната.

Эта стая была неудачно подобранной восьмеркой. Пришлось дважды пересчитывать, потому что ее мелкие элементы очень суетились. У двоих было что-то вроде пластмассовых козырьков зеленоватого оттенка, которые носят бухгалтеры всего мира. Двое других переворачивали страницы конторской книги. Явно они подсчитывали его деньги, или списывали издержки, или что там вообще делает эта деловая публика.

Магнат бросил несколько раздраженных взглядов на Хранителя и Читиратифора.

– Вы заявили, что знаете что-то там про богомоллов. Для вашей же пользы надеюсь, что это нечто важное. Кстати, я о них знаю много, поэтому врать не советую.

Он одной из морд показал на Хранителя, подзывая его поближе.

Обращаться как с царственной особой.

Хранитель подполз на брюхе двумя своими элементами – теперь весь Магнат смотрел на него. Четверо малышей, щенята моложе двух лет, прекратили орбитальное мельтешение вокруг бухгалтерской четверки. Двое из них отступили поближе к старшим, а двое других подошли к Хранителю на пару футов. Они были составной частью личности Магната – но едва-едва и только когда хотели этого. Мыслезвуки у них были непристойно громкими, Хранителю пришлось себя сдерживать, чтобы не отшатнуться назад.

Через пару секунд невежливого вынюхивания Магнат спросил:

– Ну, так откуда и что вы знаете про чудовищных богомоллов?

– Я был свидетелем, как с небес спустился их звездолет «Внеполосный». – Хранитель назвал человеческое имя звездолета, простые и чужие звуки. – Я видел, как его молнии за один день повергли великую империю.

Магнат кивал. Почти все стаи Восточного Побережья считали, что эта версия победы Резчицы – фантазия. Очевидно, Магнат к ним не принадлежал.

– Ты мне ничего нового не сообщил, друг. Хотя мало есть стай, которые знают имя летающего корабля.

– Я знаю куда больше, ваше сиятельство. Я говорю на языке богомоллов. Я знаю их тайны и их планы.

И у него в третьем вьюке лежит один из их *компьютеров*, но этим преимуществом он пока делиться не имел намерения.

– Да неужто? – Магнат недоверчиво улыбался, весь, вплоть до щенков. – Кто же ты такой?

На этот вопрос пришлось бы ответить честно рано или поздно, даже если бы ответ оказался фатален.

– Меня зовут Хранитель, ваше сиятельство. Я был...

Головы Магната дернулись вверх:

– Ремасритлфеер!

– Я, ваше сиятельство!

Смертоносная маленькая пятерка сгруппировалась у единственного выхода.

– Отменить все встречи. Сегодня никаких посетителей, кто бы они ни были. За переменной пусть проследит Салиминофон.

– Слушаюсь, ваше сиятельство!

Старшая четверка Магната отложила свою бухгалтерскую книгу, и весь Магнат целиком уставился на Хранителя.

– Не сомневайтесь, сударь, что это утверждение будет проверено. Осторожно, но весьма достоверно проверено. – Но видно было, что Магнат горит энтузиазмом, что он *желает* верить. Сейчас им управляли щенки. – Вы были главным разведчиком Резчицы и осуждены за предательство.

Хранитель поднял головы:

– Все это чистая правда, ваше сиятельство. И я горд своим «предательством». Резчица стала союзником королевы богомоллов и ее личинок.

– Личинок? – сделал большие глаза Магнат.

– Да, ваше сиятельство. «Богомол» и «личинка» относятся к разным стадиям развития одних и тех же тварей, *человеков* или *людей*, как они себя называют. «Богомол» – вполне подходящий термин для взрослых. Это такое же двуногое создание, верткое и злое, но еще и одиночное.

– *Настоящие* богомолы – это насекомые, причем всего лишь вот такой высоты.

Один из щенков широко зевнул, показав чуть меньше двух дюймов.

– Богомолы с неба достигают пяти футов в холке.

– Я знаю, – ответил Магнат. – Но личинки – это что? Молодь взрослых монстров?

– Совершенно верно. – Хранитель выдвинул свои два передовых элемента доверчиво-близко к стае-собеседнику. – И есть еще нечто, чего вы, быть может, не знаете, отчего аналогия становится очень близка к идеальной. Истинное вторжение с неба началось почти за год до Битвы на Холме Звездолета.

– До марша Резчицы на север?

– Да. Тайно приземлился гораздо меньший корабль, тридцатью пятью декадами ранее. И вы знаете, что было там на борту? Он был набит коконами богомоллов!

– Значит, будет и настоящее вторжение, – сказал Магнат. – Как личинки насекомых, выйдя из яиц, заполняют окрестность, так эти *люди* заполняют весь мир...

– Они нас всех сожрут! – вставил Читиратифор.

Хранитель уставился на слугу недобрый взглядом.

– Читиратифор слишком далеко продолжает аналогию. В настоящий момент личинки молоды. Взрослая только одна особь – королева богомоллов, Равна. Но смотрите, ваше сиятельство: почти за два года с момента прибытия Равны и «Внеполосного» она подчинила себе Домен Резчицы и расширила свою власть на все царства северо-запада.

Два старших элемента Магната лениво шлепали счетным устройством, перекидывая туда-сюда маленькие костяшки. Счеты, конечно.

– А как эти богомолы – то есть этот единственный богомол, Равна, – осуществляет такую власть? Они громкие? Они умеют задавливать чужие мыслезвуки своими?

Это звучало как проверочный вопрос.

– Отнюдь нет, милорд. Люди, как и насекомые, не издают звуков, когда мыслят. Совсем никаких. Воспринимаются как ходячие трупы. – Хранитель помолчал. – Ваше сиятельство, я не хотел бы недооценивать угрозу, но если мы будем работать вместе, то сможем победить

этих тварей. Люди – глупы! Это и неудивительно, поскольку они – синглеты. Я думаю, что даже самый умный среди них будет не умнее плохо подобранной четверки.

– Правда? И даже Равна?

– Да! Им недоступна самая простая арифметика, которой владеет любой уличный торговец. Слуховая память – даже на звуки речи, которая им слышна, – практически нулевая. Как и богомолы-насекомые, они живут паразитизмом и воровством.

Все восемь составляющих Магната сидели тихо-тихо. Хранителю слышны были окраины его мыслей – смесь расчетов, удивления и неуверенности.

– Не сходится, – сказал наконец Магнат. – Часть того, что ты говоришь, мне уже известна из моих собственных изысканий. Но богомолы – непревзойденные изобретатели. Я проверял их взрывчатый черный порошок. Я слышал о катапультах, работающих на силе этого порошка. И у них есть изобретения, которые я пока не могу воспроизвести. Они умеют *летать*! Вот этот их «Внеполосный» сейчас лежит на земле разбитый, но у них есть летатель поменьше, размером почти как лодка. В прошлом году его видели к северу от города стаи, которым можно доверять.

Хранитель и Читиратифор переглянулись. Вот *это* действительно дурная весть. А вслух Хранитель сказал:

– Я вполне понимаю ваши сомнения, ваше сиятельство, но парадокса здесь нет. Богомолы просто воруют то, что дает им преимущество. У меня есть... источники, свидетельствующие, что они этим занимались уже очень давно. Наконец их жертвам это надоело, и богомолов выгнали с неба, оттуда, где они жили. Многие из того, что у них есть, они не понимают и воссоздать не могут. Эти устройства в конце концов сработаются. *Антигравитационный флаер*, который вы назвали летателем, – один из таких примеров. Более того, эти твари украли – и продолжают красть – наши изобретения. Вот, например: вы говорили о черном порошке? Его вполне могла изобрести какая-нибудь сообразительная стая. Может быть, та же самая, что изобрела на самом деле эти «катапульты» – *пушки*.

Магнат ответил не сразу; он был ошеломлен. С тех самых пор, как Хранитель услышал о Магнате, он заподозрил, что с этой стаей может быть связана одна тайна. И если так, то эта стая делается верным приверженцем дела Хранителя. Это была всего лишь гипотеза, но...

Наконец Магнат обрел голос:

– Я думал... взрывчатый черный порошок; и катапульты... я вспоминаю...

Он на миг куда-то ушел мысленно, разделившись на старых и молодых. Щенки бегали вокруг, повизгивая, как забытый фрагмент. Потом Магнат собрал себя вместе.

– Я сам... я был когда-то изобретателем.

Хранитель показал на механизмы, заполняющие помещение:

– Я вижу, вы им и остались, ваше сиятельство.

Магнат будто и не слышал.

– Но я разделился. Мой брат по делению двинулся в конце концов на Западное Побережье. У него столько было идей... ты не думаешь, что?..

Есть! Угадал!

Но вслух Хранитель выразился куда более осторожно:

– У меня еще остались источники, ваше сиятельство. Быть может, они смогут прояснить и этот вопрос.

Глава 01

Как много в мире невозможного.

Равна видит сон. Она знает, что это сон, но проснуться не может. Она только смотрит, внимает и захлебывается ужасом. Вокруг нее висит флот Погибели, корабли сбиваются в кучки там и сям – как жуки, завязшие в грязи. Изначально флот насчитывал сто пятьдесят звездолетов и облака беспилотников. Беспилотники разобрали на запчасти. Многие корабли погибли, другие тоже разобраны на запчасти. Там, где это нужно было Погибели, экипажи расформировали и разобрали по другим кораблям или просто выбросили. Перед глазами проплывают сотни трупов: людей, динокимов, даже наездников, лишенных тележек.

До намеченной жертвы флоту Погибели осталось почти тридцать световых лет. Это обыкновенная солнечная система... но туда скрылись Равна и Дети. И это одна из причин, почему это видение не может не быть сном. Тридцать световых лет – это невероятно далеко в этой части вселенной, где ничто не может передвигаться быстрее света. Равна *никак* не может знать, что происходит сейчас с вражеским флотом.

А флот дрейфует в смерти, но сам еще жив. Если присмотреться к сбившимся в кучу кораблям, видно: что-то движется, продолжается строительство. Когда-то флот был рукой живого бога, сейчас он – средство этого бога воскресить. Даже в этой ловушке, в этой цисте страдания он планирует и строит, секунду за секундой и год за годом, работая так же усердно, как заставляет свои живые экипажи. Если придется, он способен делать это веками, выводя новые экипажи для замены естественной убыли. Эта программа в конце концов породит корабли-рамсупы – лучшее из того, что может достигать околосветовой скорости в Медленной Зоне.

А быть может, ничего этого не понадобится, потому что Погибель видит Равну и Равна видит Погибель, и говорит ей инкапсулированный бог:

Правила меняются. Я иду. Иду. И буду куда быстрее, чем ты думаешь.

Равна задержалась и проснулась, ловя ртом воздух.

Она лежала на полу, правая рука болела от неудобной позы.

Наверное, я упала. Что за страшный сон!

Равна с трудом залезла обратно в кресло. Она была не в каюте «Внеполосного-II»: там бы автоматика сделала пол мягким еще до того, как она к нему прикоснулась. Оглядываясь, Равна попыталась понять, где она, но помнила только свой сон.

Провела рукой по боку кресла. Дерево, местная работа. Но стены – зеленоватые, плавно переходящие в такой же зеленоватый пол. Значит, посадочный модуль Детей, в подземелье Нового замка Резчицы. И это она так долго соображала! Уронив голову на руки, она ждала, чтобы кабина перестала вертеться. Когда головокружение прошло, Равна села ровно и попыталась подумать. Если не считать последних минут, все выглядело вполне разумно.

Она спустилась в катакомбы – проверить гибернаторы Детей. В этой части замка сочлелись разные технологии – от допороховой эпохи до последнего слова техники Края: резьба на стенах нанесена молотком и зубилом, а освещают их лампы с «Внеполосного». Два года назад гибернаторы сняли со страумского посадочного модуля и поставили здесь поодаль друг от друга, чтобы обеспечить теплоотвод.

Половина гибернаторов сейчас уже была пуста, их пассажиры пробудились. Это почти все старшие Дети. Сейчас эти ребята жили в Новом замке или рядом с ним, некоторые ходили здесь в школу. Если как следует прислушаться, можно услышать взрывы смеха, сплетающиеся с бормотанием стай Стальных Когтей.

Так зачем же я пошла в модуль?

А, да!.. Снаружи она пробыла очень недолго, глядя в окна губернаторов на лица малышей, которые еще спали, ждали во сне, пока наберется достаточно взрослых, чтобы обеспечить уход. В основном оживления будут рутинные, но некоторые из губернаторов по результатам тестов оказались на грани поломки. Как спасти детей, лежащих в этих неисправных губернаторах? Вот это и была причина сегодняшнего визита: пересмотреть протоколы по Тимору Ристлингу. Его пробуждение было первой попыткой работы с истощенными губернаторами.

Изначально модуль был построен по технологиям Верхнего Края. Из этой техники мало что могло функционировать в Медленной Зоне, и передать свои журналы на стабильно работающую аппаратуру «Внеполосного» модуль не мог. Чтобы добраться до этих записей, необходимо было явиться на модуль лично.

Равна с нелегким чувством оглядела грузовой отсек модуля. С этим помещением и его зелеными стенами очень многое было связано. Модуль был построен по технологиям Верхнего Края, но потом побывал в Верхней Лаборатории, в Нижнем Переходе, и там его... можно сказать, модифицировали. Если посмотреть вверх, увидишь элементы этой модификации: свисающую с потолка грибницу. Магическую Контрмеру. Сейчас она казалась мертвее сухой паутины, но когда-то эта Контрмера потушила свет солнца, убила того, кого любила Равна, и – быть может – спасла Галактику. Остатки этой грибницы внушали тревогу даже страумским Детям.

Неудивительно, что в таком месте снится плохое.

Но сейчас Равна вспомнила, в какой именно момент навалился на нее этот кошмар.

Последние два дня ее донимало неотвязное чувство вины, усугубленное дефицитом сна. Она понимала, что лишила Тимора возможности нормальной жизни. Не нарочно и не из-за незнания. *Но я его выбрала для первого оживления из поврежденного губернатора.* Проблема была не в том, что у него нога вывернута, не в том, что он мог отстать в развитии от других детей. Проблема была в том, что за несколько декад после оживления Тимор не вырос.

А от надежного совета Равну Бергсндот отделяли тысячи световых лет. Все, чем она располагала, – «Внеполосный» и вот этот неизвестный модуль. Она помнила, как возилась с данными почти час, сопоставляя записи губернатора Тимора с последними медицинскими тестами «Внеполосного», и наконец поняла, в чем была ошибка. Ни один человек и ни одна машина Здесь, Внизу не могли знать этого наперед. И холодная жестокая правда состояла в том, что случай Тимора дал ей *очень ценную информацию.*

Поняв это окончательно, Равна уронила голову на руки. Она слишком устала, чтобы думать, как можно эту ошибку исключить, и ее выводила из себя вполне вероятная перспектива, что снова придется рисковать жизнью – не своей.

Так я просто заснула – и кошмар мне приснился?

Равна уставилась на зеленоватые переборки, ощущая, что вымотана до предела. Она вздохнула. Ей часто снились кошмары про флот Погибели, хотя таких необычных еще не бывало. Что ж, спасибо подсознанию: оно откопало что-то такое, что отвлекло от Тимора, пусть даже на секунду.

Равна отключила интерфейсную тиару от модуля и вылезла из грузового отсека. Три года назад, когда Сьяна и Арне Олсндот привезли сюда Детей, на этом месте был открытый луг.

Она постояла минуту среди тонких пилонов, оглядела прохладные сухие катакомбы. Можно ли себе представить космический корабль, над которым построен замок? В Медленной Зоне – можно.

Ей придется возвращаться сюда снова и снова, пока не оживут все Дети, – но на сегодня, слава Силам, всё. Два пролета вверх по лестнице – и она окажется во дворе замка,

на летнем солнце. Дети как раз будут выходить с уроков, играть друг с другом, со своими когтистыми друзьями. Если остаться с ними поболтать, то можно провести здесь остаток дня. И когда она доберется до своей каюты на «Внеполосном», уже будет ясный солнечный вечер. Выходя на лестницу, она уже могла себе представить, что настроение бывает и хорошим. Можно будет передохнуть – просто поиграть с детьми. И как-нибудь и Тимору тоже можно будет помочь.

Но еще не выйдя с лестницы на свет, Равна припомнила из своего сна один момент и остановилась, оперевшись о стену. Тот разум во флоте Погибели ей сказал: «Правила меняются». Если граница Зоны сдвинулась и снова стало возможным передвижение быстрее света, то – да. Погибель может и вправду скоро прибыть. Такая мысль преследовала ее и наяву, и во сне. На борту «Внеполосного» имелись зонографы, и они еще со времен Битвы на Холме Звездолета отслеживали основные физические законы. Тревожных сообщений до сих пор не было ни разу.

Машинально опираясь о стену, Равна обратилась к «Внеполосному», попросив показать окно зонографа. Тут же появилось изображение – по-дурацки самоформирующийся график. Да, вот обычный шум. А вот масштабирование – и этого не может быть! Равна глянула на пятьсот секунд назад и увидела, что трек дает пик. На почти десять миллисекунд физика Зоны превысила калибровку зонда – законы стали такими, как могут быть в Переходе. Теперь Равна заметила пульсирующую красную границу. Это был сигнал шевеления границы Зоны – сигнал, который так тщательно был установлен. И этот сигнал она должна была получить в самый момент пика. Не может этого быть. Здесь какая-то путаница. Равна стала смотреть настройки, ощущая, как растет ужас. Да, вот она, путаница: тревога Зоны включалась только в том случае, если Равна находилась на «Внеполосном». Почему логика корабля сама не отловила эту дурацкую ошибку? Ответ на этот вопрос Равна знала и десятки раз уже излагала его Детям. Они не могли понять, что если расцарапал себе колено, то сам и виноват. *Мы живем в Медленной Зоне. У нас практически нет автоматики, а та, что есть, безнадежно проста и лишена интеллекта.* Здесь, Внизу, если ты не хочешь неожиданностей, должен предусматривать всё сам.

Детям этот ответ не нравился. Для них эта идея была еще более дикой, чем для самой Равны. В том мире, где они родились и выросли, так просто не могло быть.

Она сердито глянула на зависшие вокруг в темноте дисплеи. Сигнал тревоги – тревоги Зоны, конечно, был, но тревога могла быть *ложной*. Да должна была быть! Такой короткий всплеск, меньше чем десять измерений зонда. Переходной процесс у прибора. Да. Конечно.

Равна повернулась и пошла вверх по лестнице, все еще выискивая что-то на графике, ища аргументы в пользу случайного сбоя. Есть куча диагностических тестов, надо бы погонять какие-то из них.

Она подумала об этом, поднимаясь еще на пять ступеней вверх, сворачивая с марша лестницы на следующий. Впереди виднелся квадрат дневного света.

После Битвы на Холме Звездолета физика Зоны оставалась незыблема, как основания гор... но у этого сравнения было фатальное следствие: случаются землетрясения. И их толчки-предвестники. И то, что сейчас Равна видела, может быть крошечным и внезапным сдвигом в основах местной вселенной. Она посмотрела на временной график слежения за Зоной. Всплеск случился именно тогда, когда у нее была эта странная дремота в модуле Детей. Значит, тогда. Почти одну сотую секунды скорость света не была предельной скоростью, и Модуль мог знать текущее состояние флота Погибели. Почти целую сотую секунды Контрмера могла функционировать.

А тогда ее сон – попросту *известие*.

Но даже если так, она все равно не знает, сколько у них осталось времени. Может быть, всего лишь часы. Но если даже годы и десятилетия – все равно надо беречь мгновения.

Использовать их.

– Равна, привет! – донесся детский крик с другой стороны двора, от школы.

Через секунду они ее окружат.

Я не могу.

Она наполовину отвернулась, отступая к лестнице. Кошмары иногда оборачиваются явью. И не только негодяям приходится принимать суровые решения.

Глава 02

В последний день каждой декады уроков не было – обычно из-за этого десятые дни были для Тимора Ристлинга скучны невероятно. Но иногда Белль показывала ему мрачные углы Нового замка, или Равна Бергсндот брала его с собой на ту сторону проливов на Скрытый Остров.

Сегодня оказался вообще потрясающе интересный день – когда другие ребята разрешили ему участвовать в своих затеях.

– Будешь дозорным, Тимор, – сказал ему сразу Ганнон.

Ганнон Йоркенруд и организовал экспедицию и особо пригласил Тимора, хотя это значило, что часть дороги до Холма Звездолета его придется нести. Ганнон и ребята даже помогли Тимору перебраться через поле валунов у подножия обрывов. А вокруг повсюду вопили морские птицы.

Дети спустились к воде, под нависающие береговые обрывы. Пена волн сливалась наверху с морским туманом, закрывая пеленой дома Скрытого Острова, расположенного в паре километров от материка. Видно было, как отлив утаскивает воду от берега, оставляя поле скользких камней, нагромождение гигантов. Нигде не было сухого места – во время прилива все здесь под водой.

Белль шлепала рядом с Тимором и вокруг него, бурча про себя, как часто бывало:

– Эта грязная вода мне все шкуры заляпает.

Она была сплошь белой, что среди Стальных Когтей редкость – хотя одна ее составляющая, старый самец, возможно, имела в молодости черные пятна на шкуре.

– А ты, дубовые головы, вообще могла не ходить, – огрызнулся на нее Ганнон.

Они с Белль не ладили.

Белль издала одновременно шипение и смех.

– А ты меня попробуй не пустить. Я на таких кораблекрушениях уже много лет не бывала. Как ты сообразил, что они выбросятся на берег именно здесь?

– Мы – люди. У нас свои методы.

Кто-то из Детей засмеялся. Они растянулись цепочкой по узкой извилистой тропе между камнями. Один из них сказал:

– На самом деле Невил его увидел на мониторе «Внеполосного», разглядывая окрестности. Равна и стаи про этот корабль знают, но последних сведений, куда его несет, пока не видели.

– Ага! Стаи Резчицы, наверное, в Береговой гавани. А мы как раз будем первыми, когда начнется всерьез.

С тропы выброшенный на берег корабль не был виден – только волны разбивались о скалы. Но впереди, зависнув над одной точкой, кружился смерч морских птиц. Тимор ощутил укол непонятной ностальгии. Иногда попадалось в этом мире что-то напоминавшее о прежнем. Эти птицы были совершенно чужие, но сбивались в стаи точно так же, как на родине.

Вода теперь доходила ему до щиколотки, затекала в кожаные туфли, будто ледяными руками хватала.

– Парни, подождите!

– Видишь? Я же тебе говорила, что тут идти противно.

Это Белль танцевала вокруг него, испытывая дискомфорт.

Ганнон оглянулся:

– Чего на этот раз?.. – И пожал плечами. – Ладно, здесь мы тебя и поставим на камень.

Ганнон и двое других ребят вернулись и закинули Тимора на выступ ближайшего огромного валуна. Белль залезла двумя элементами по оставшимся трем и влезла в ту же расщелину.

– Отсюда сможешь до верха долезть? – спросил Ганнон.

Тимор извернулся, стараясь заглянуть за мокрое закругление камня. Очень он не любил говорить, будто чего-то не может.

– Справлюсь.

– О'кей, мы тогда вперед. Пойдем подружимся с собачками разбитого корабля. А ты заползай на верхушку этого камня, и если увидишь стаю Резчицы или Равну Бергендот, пусть твоя стая нам покричит. Усвоил?

– Ага.

Ганнон и его спутники пошли дальше. Тимор минуту смотрел им вслед, но лишь Овин Верринг обернулся помахать ему рукой. Ну что ж, эти ребята стали старше его, и он не должен удивляться, что они не слишком расположены его с собой брать. С другой стороны, его поставили дозорным.

Он сдвинулся вдоль полки туда, где просматривались естественные упоры для рук. Белль пониже суежилась, стараясь найти способ забраться остальных трем. Опа, а вот над ним как раз сидит на насесте пара морских птиц. Он помнил лекции про птиц и гнезда. «Гнезда» – нечто вроде самоформирующихся яслей, только без аварийных рычагов безопасности. Если эти птицы решат, что он посягает на их дубликаты, то могут слететь и на него наброситься.

К счастью, птицы ограничились громким карканьем, а потом взлетели одна за другой, влившись в смерч, кружащийся над кромкой воды. Про себя он отметил, что это почти там, куда идут ребята. Эй, а он сам тем временем залез почти на вершину камня!

Тимор аккуратно обогнул скользкий черный выступ, очень стараясь не вляпаться в птичий помет.

Над краем показалась одна из голов Белль:

– Эй, а помочь?

– Извини.

Он лег животом на камень и протянул руки к передним ногам первого элемента. Это был ее единственный самец, Ихм. Когда Тимор вытащил его наверх, Белль ему помогла вытащить себя остальную. Она залезла на середину камня и села на задние лапы, всю дорогу жалуясь, как у нее они замерзли. Тимор неуклюже повернулся и наконец-то взглянул на разбитый корабль. Корабль (в сущности, плот) еще был в проливе, но метр за метром подползал к скалам.

Три элемента Белль сидели, прислушиваясь. Остальные двое сели по бокам Тимора. Он решил, что это те, которые наблюдают за кораблем. Зрение у Стальных Когтей было хуже людского, но если они распределялись, то глубина восприятия бывала больше.

– Слышишь, как ломаются бревна на скалах? – спросила Белль.

А уж *слух* у них был на световые годы лучше невооруженного человеческого.

– Вроде бы.

Тимор присмотрелся к носовой части плота. Камни ведь ломают бревна? Особенно если на камнях нет системы уклонения. А в этом мире вообще ни на чем нет такой системы.

Средние бревна треснули вдоль, и две половины судна лезли на камни отдельно. Это, разумеется, не могло быть особенностью конструкции.

Он прищурился, стараясь разглядеть подробности. На плоту высоко громоздились бочки. И теперь он увидел там *множество* Стальных Когтей, хотя они были одеты в коричневатые лохмотья и в основном сидели между бочками. Иногда четыре или пять из них соби-

рались группой и пытались что-нибудь сделать с такелажем. Да. Они отчаянно пытались отвести свое судно от камней.

– Они терпят бедствие, – сказал он.

Белль заухала – так смеются Стальные Когти.

– Еще какое! Ты разве не слышишь, как орут те, кто в воде?

Теперь, когда Белль сказала, он увидел в воде головы.

– Это же ужасно! Ведь кто-то же должен попытаться их спасти?

Тимор не сомневался, что Ганнон и другие ребята особой помощи оказать не смогут.

Он почувствовал, как Белль пожала плечами.

– Если бы их не занесло так далеко на север или если бы был прилив, все бы обошлось.

– Но разве мы не должны помочь этим стаям в воде?

Одна из голов Белль повернулась в ту сторону:

– Каким стаям? Это же тропиканцы. Индивидуальные элементы, вероятно, не глупее любого северного синглета, но они просто не образуют стай – разве что случайно. Посмотри на этот плот! Барахло, кое-как слепленное бессмысленными одиночками. Иногда этих идиотов смывает из джунглей, и океан приносит их сюда. Я так скажу: чем больше их в пути сдохнет, тем лучше. – Она забурчала в своем обычном тоне: одновременно и сплетни, и жалобы. – Нам наших ветеранов войн хватает, обломков и осколков. Но мы хотя бы их ради приличия держим не на виду. А этот прибывающий мусор нам никак не нужен. Будут шататься по городу, гадить в переулках, тупые синглеты и двойки. Ободранные, вонючие, безмозглые воришки и попрошайки...

В остальном было еще меньше смысла. Некоторые стаи великолепно говорили по-самнорски, в том числе Белль, но иногда, когда основное внимание стаи направлено было на другое, какая-то часть ее начинала нести ерунду. Тимор заметил, что Белль внимательно смотрит на терпящий бедствие плот и длинные шеи дергаются взад-вперед. Она даже больше Тимора загорелась, когда Ганнон Йоркенруд их позвал с собой. Он глянул примерно в середину сектора ее обзора – там в пенистом прибое качались бочки.

– Но если от тропиканцев столько мороки, почему тебя так интересуется их корабль?

– Именно он и интересен. Эти крушения происходят с незапамятных времен, я сама помню о них легенды. Каждые несколько лет к берегу прибывает целую ораву тропиканцев. Они всегда создают проблемы – те, что выживают. Но на их плотях бывает иногда что-нибудь полезное. В других вариантах нам этого не увидеть: в тропиках столько болезней и Хоров, что ни одной стае там не выжить.

Она замолчала, потом заговорила снова:

– Эй, смотри, кое-где бочки на камни выбросило. Я слышу, как они разбиваются. – Два элемента подползли к краю камня. Старший держался позади и наблюдал, ориентируя всех остальных. – Ладно, Тимор, ты останешься тут. А я пойду гляну.

Двое ее младших уже торопливо сползали и соскальзывали вниз, рискуя поцарапаться.

– Но погоди! – крикнул Тимор. – Мы же должны наблюдать отсюда!

– Наблюдать я могу и близко, – ответила она. – А ты оставайся тут.

Двое младших уже скрылись за краем валуна. Еще двое помогали старому Ихму пробираться по скользкому камню. Белль издала аккорд, который Тимор понял как уклончивое бормотание.

– Ты будешь единственный дозорный, да? Помни, Ганнон на тебя надеется.

– Но...

Белль уже вся скрылась из виду. Слышать она его, конечно, слышала, но вполне могла никак не реагировать.

Тимор вернулся на середину камня. Здесь действительно была хорошая позиция для дозорного, хотя без Белль выкрикивать направления придется только своим голосом.